

Fiotrita

Кровь на шёлке

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Fiotrita

Крoвь на шёлке

«Автор»

2026

Fiotrita

Кровь на шёлке / Fiotrita — «Автор», 2026

Элизабет Хилл, утончённая английская аристократка, принесена в жертву брачной сделкой: её увядающий род спасает брак с Самаэлем, безжалостным главой мексиканского картеля, известным как Санта Муэрте. В мире, где порядок — хаос, а любовь пахнет порохом, она должна сжечь свои лондонские манеры и пробудить в себе хищницу. От кровавых ритуалов верности до танца на краю бездны — их союз станет полем битвы, где хрупкая нежность столкнётся с первобытной яростью. Сможет ли она укротить Ангела Смерти или станет его самым прекрасным оружием? Предупреждение: эта история не о спасении, а о встрече двух огней.

© Fiotrita, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кровь на шёлке

Глава 1

Лондон всегда казался мне мрачным, но величественным зверем. Его гранитная статья, вековые парки и строгая геометрия улиц вызывали трепетное восхищение. Я была дочерью некогда блистательного, а ныне угасающего дворянского рода Хилл. Наше поместье, с его скрипучими половицами и выцветшими гобеленами, было моим миром. Моим любимым занятием было сидеть на крыльце с книгой, пока отец не начинал заботливо ворчать о том, что глазам нужен отдых.

Каждый месяц мы посещали балы высшего света. Это был другой мир — мир идеальных осанок, шелеста кринолинов и шёпота о статусе. Моё девичье сердце трепетало от этой выверенной до мелочей красоты. Отец, как бы тяжело ни было его кошельку, для каждого выхода покупал мне новые наряды. Но моё сердце навсегда осталось с одним-единственным платьем.

Мама купила его за неделю до того, как её не стало. Пять лет прошло, а мне всё ещё казалось, что ткань хранит едва уловимый аромат её духов. Платье из струящегося шёлка цвета слоновой кости, с деликатной вышивкой по лифу. Юбка в пол мягко колыхалась при каждом шаге, а тонкий пояс подчёркивал талию. Длинные рукава с кружевной окантовкой придавали образу нотку викторианской романтики. Оно сидело на мне безупречно, словно было соткано специально для моей фигуры, подчёркивая светлые вьющиеся волосы и яркие голубые глаза.

Но сегодняшний вечер не был похож на те, праздничные.

За окном бушевала гроза. Небо разрывали сполохи молний, а проливной дождь нещадно хлестал по стёклам. Мы сидели с отцом в гостиной, в тишине, нарушаемой лишь завыванием ветра и тиканьем старых часов. Я пила чай из своего любимого фарфорового сервиза — того самого, что изготовили на заказ к моему седьмому дню рождения.

Отец долго молчал, глядя в пустоту, а затем поднял на меня глаза. В них стояли слёзы.

— Элизабет... — его голос дрогнул. — Я должен тебе кое-что сказать. Это необходимо. Чтобы спасти нас. Чтобы у нас не отобрали дом.

Он говорил сбивчиво, но суть я уловила мгновенно. Брак. С каким-то человеком из Мексики. Финансовый договор, единственная надежда удержать на плаву нашу семью, спасти поместье от кредиторов.

Мир сузился до размеров этой чашки с остывающим чаем. Я была настолько ошарашена, что слова отца доносились до меня как сквозь толщу воды. А потом... я просто разжала пальцы.

Чашка выскользнула из рук и разбилась о паркет, разлетевшись на десятки острых осколков. Тонкая струйка чая растекалась по полу тёмным пятном, похожим на кровь.

Я смотрела на осколки своего детства и понимала: только что разбилось нечто гораздо более хрупкое и ценное, чем фарфор.

Вместе с ней разбилось и моё будущее. Все те наивные фантазии, в которых я выходила замуж за графа или, на худой конец, за принца, рассыпались в прах, смешавшись с фарфоровыми осколками на полу. Слова отца доносились до меня глухим, далёким эхом.

Мексика... Не холодный, чопорный Лондон, а Мексика. Горячая. Опасная. Яркая. Мир, который никак не вязался с образом такой девушки, как я.

— Отец, но почему Мексика? — мой голос прозвучал тонко и надтреснуто.

— И почему именно сейчас? Я ведь ещё так молода, мне только исполнилось восемнадцать. Неужели нет другого выхода, кроме как брак с... мексиканцем?

Он тяжело вздохнул, и в этом вздохе было столько усталости и вины, что у меня защемило сердце.

— Лизи, доченька... — отец потянулся через стол и накрыл мою дрожащую руку своей.

— Все в стране знают о нашем шатком положении. Я не смогу найти тебе достойную партию здесь, в Лондоне. Все боятся, что наш упадок затронет и их семьи. Никто не хочет рисковать.

Я не могла спорить. Я всегда была покорной дочерью. Но мысль о том, чтобы потерять дом, который столетиями принадлежал семье Хилл... Это было бы окончательным крахом. Страшнее смерти.

Холодные капли пота стекали по моей спине, хотя в камине весело потрескивал огонь. Я смотрела на разбитую чашку из любимого сервиза и понимала: это знак. Знак того, что моя старая жизнь закончилась.

— Хорошо, отец, — прошептала я, и эти слова камнем упали между нами. — Я согласна.

Я согласилась на брак с человеком, чьё лицо я никогда не видела. С человеком из далёкой страны. Ещё даже не подозревая, что меня ждёт.

Страх сковывал мои движения, а к горлу подступил тугой, болезненный ком. Язык казался ватным, но я должна была это сказать. Должна была оставить себе хотя бы эту малость.

— У меня... есть условие, — слова дались с трудом, будто я выталкивала из себя осколки стекла. Я подняла взгляд на отца.

— Точнее, желание.

Он смотрел на меня с такой болью и надеждой, что на мгновение мне стало его жаль. Но жалость не могла заглушить собственный страх.

— Я хочу, чтобы свадьба состоялась здесь. В Лондоне. В нашем поместье.

Отец удивлённо моргнул, не понимая.

— Но, Лизи, жених... его люди...

— Я хочу попрощаться с домом, — перебила я, и мой голос окреп от нахлынувших чувств. — По-настоящему. Хочу сохранить память об этих стенах, о саде, о маме. Я уеду в чужую страну, в мир, который меня убьёт. Позволь мне хотя бы уйти отсюда как положено. Пусть свадьба пройдёт здесь, чтобы мамино платье снова увидело свет. Чтобы дух мамы видел, как её дочь выходит замуж и становится женщиной. Не в чужой часовне, а здесь, где всё пропитано любовью и воспоминаниями.

Я говорила сбивчиво, но горячо. Это было моё последнее сражение. Маленькая победа в войне, которую я уже проиграла.

Отец долго молчал, глядя на разбитую чашку у моих ног. Затем он медленно кивнул, и по его морщинистой щеке скатилась одинокая слеза.

— Хорошо, Элизабет. Если это возможно... я сделаю всё, что в моих силах.

Его согласие не принесло облегчения. Оно лишь означало, что обратный отсчёт начался. И скоро этот дом, единственное место, где я чувствовала себя в безопасности, станет местом моей казни.

Отец медленно поднялся из-за стола. Его шаги к окну были тяжёлыми, словно каждый давался ему с трудом. Он остановился у стекла, за которым мир окончательно погрузился во мрак. Тучи сгустились ещё сильнее, и Лондон, казалось, плакал вместе с ним, смывая слезами последние остатки нашей прежней жизни.

Отец достал из кармана пиджака телефон. Его рука едва заметно дрожала, когда он набирал номер. В комнате повисла такая оглушительная тишина, что я слышала лишь бешеный стук собственного сердца.

— Господин Самаэль, — голос отца прозвучал непривычно глухо и официально.

— Элизабет согласна на брак. Но она... у неё есть просьба. Она хочет провести церемонию в Лондоне. Чтобы почтить память матери.

Он замолчал, слушая ответ. Я не слышала слов на том конце провода, но чувствовала исходящую от трубки ледяную волну. В комнате стало нечем дышать. Давящая, вязкая тишина, казалось, вот-вот раздавит меня.

Наконец, отец коротко кивнул, словно собеседник мог его видеть.

— Благодарю Вас. Да, конечно. Мы всё подготовим.

Он нажал на отбой и медленно повернулся ко мне. Его лицо было бледным, как полотно.

— Жених согласен, — произнёс он тихо. — Он прилетит из Мексики через два дня. А свадьба состоится уже через неделю.

И после этих слов мой мир окончательно рухнул.

Семь дней. Всего одна неделя отделяла меня от момента, когда я стану женой человека из другого мира. Человека, которого я никогда не видела. Человека, чьё имя теперь ассоциировалось лишь с безмолвной, холодной пустотой на том конце провода.

Страх и паника накрыли меня с удвоенной силой, грозясь утопить в своём тёмном водовороте.

Глава 2

Два дня пролетели в мгновении ока, слившись в один бесконечный, серый кошмар. За окном не прекращалась буря, и мне казалось, что город чувствует моё состояние и находится на моей стороне. Лондон не хотел отпускать свою дочь в чужеземную страну. Он плакал ледяным дождём, вторя моим беззвучным рыданиям в подушку. Иногда я проваливалась в тяжёлый, прерывистый сон, но и там меня преследовали лишь кошмары.

Единственным моим утешением был портрет матери. Когда становилось совсем невыносимо, я, поднимая взгляд, смотрела в её глаза на холсте. В её взгляде я искала и не находила ответа.

Вечером второго дня я услышала глухой, тяжёлый стук в дверь. Не звонок, а именно стук — уверенный и хозяйский. В ту же секунду я поняла: это не просто гость. Моё будущее перестало быть будущим. Оно стало настоящим и стояло за дверью.

Я не могла встретить его заплаканной. Собрав остатки воли в кулак, я привела себя в порядок. Надела платье, подаренное мамой, — мой последний бастион, моя броня из шёлка. Заколола волосы наверх, открывая лицо, и спустилась в холл, чтобы поприветствовать гостя.

И тут я увидела его.

Передо мной стояла скала — несокрушимая и мощная. Он был высоким и мускулистым; его смуглая кожа казалась мне чем-то противоестественным в холодном сумраке нашего холла. Тёмные, коротко стриженные волосы были аккуратно уложены назад, подчёркивая резкие, словно высеченные из камня черты лица.

Но больше всего меня поразили его глаза. Чёрные, глубоко посаженные, они смотрели с такой тяжёлой, пронизывающей решимостью, что мне захотелось отступить назад. Прямой нос и чётко очерченный квадратный подбородок лишь усиливали впечатление суровой, непоколебимой силы. Его лицо не выражало ничего — лишь холодную сосредоточенность и лёгкий намёк на ту бездну, что скрывалась внутри.

Он был здесь. И мой мир только что стал ещё меньше.

Эта скала из мускулов не проронила ни слова. Он просто стоял и смотрел на меня — долгим, оценивающим взглядом собственника, который прикидывает стоимость вещи, а не знакомится с человеком. Он был таким огромным, что казалось, я могу целиком поместиться у него на ладони.

Собрав остатки сил, я поприветствовала его и его спутников реверансом, стараясь, чтобы ноги не подкосились.

— Добро пожаловать в поместье Хилл. Прошу, проходите в гостиную.

Мой голос прозвучал на удивление ровно, хотя внутри всё кричало от страха. Проводив их, я, словно пытаясь отсрочить неизбежное, отправилась на кухню. Я заварила чай, аккуратно разложила печенье на блюде из нашего фамильного сервиза и вернулась в гостиную, неся поднос как щит.

Его спутники не присели. Они остались стоять за ним, словно безмолвные тени, скрестив руки за спинами. Их позы были обманчиво расслабленными, но я видела, как под пиджаками перекачиваются мускулы. Они были похожи на натянутые пружины, готовые в любой момент распрямиться и вступить в бой. Я чувствовала себя не в гостиной родового поместья, а в осаждённой крепости.

Не успела я поставить на стол сервиз, как мир перевернулся. Одним молниеносным, хищным движением он оказался рядом. Его рука, твёрдая, как железо, сомкнулась на моём запястье. В следующую секунду я уже сидела у него на коленях, прижатая к его груди, словно пойманная птица.

Мне было так страшно и неловко, что жар прилил к моим щекам, но я не могла вымолвить и слова. Я чувствовала запах его одеколона — терпкий, дорогой и совершенно чужой. Его близость была физически ощутимой, давящей. Я замерла, боясь даже дышать.

Внезапно тишину нарушил его голос. Он был низким, с едва уловимым акцентом, и звучал так близко от моего уха, что я вздрогнула.

— Почему ты хочешь отпраздновать нашу свадьбу в таком скромном и холодном месте, как это? — спросил он.

Вопрос прозвучал не как насмешка, а как деловое любопытство. Словно он изучал странный пункт в контракте. Его дыхание коснулось моей шеи, и по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с погодой за окном.

Я слотнула, пытаясь собрать воедино остатки своего достоинства.

— Это... это мой дом, — прошептала я. — Здесь память о моей матери. Я хочу... я хочу, чтобы её дух видел, как я становлюсь женщиной. Чтобы всё закончилось здесь. Так будет правильно.

Я говорила сбивчиво, но была полна решимости объяснить ему то, что для меня было свято. Я подняла на него глаза и увидела в его чёрных зрачках своё собственное отражение — крошечное, испуганное и бледное.

Он долго смотрел на меня, не моргая. В его взгляде не было ни сочувствия, ни тепла. Только холодный расчёт и что-то ещё... что-то похожее на тень интереса. Затем его губы медленно изогнулись в едва заметной ухмылке.

— Правильно, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Хорошо. Пусть будет так.

Он произнёс это так, будто дарил мне величайшую милость, а не соглашался на мою последнюю просьбу. А потом его рука, всё ещё лежавшая на моей талии, чуть сжалась — не больно, но властно. Это было безмолвное предупреждение.

Следующие дни пролетели в хаосе. До свадьбы оставались сутки, и наше поместье гудело, как встревоженный улей. Но это был не привычный свадебный переполох. Самаэль лично контролировал всё. Он не отдавал приказы — он ронял их, как камни, и прислуга, включая наших собственных слуг, бросалась выполнять их с рвением солдат. Ощущение было такое, будто я не выхожу замуж, а нахожусь в штабе армии перед наступлением.

Я настояла на своём: я выйду замуж только в мамином платье. К нам прислали портного. Он был потным и суетливым, бесконечно снимал мерки и колот булавками, пока не добился идеала. Платье село как влитое. Фата — длинная, изящная — спереди доходила до середины груди, а сзади сливалась со шлейфом, превращая меня в призрак из прошлого.

С каждым днём отец становился всё бледнее и тише. Казалось, он состарился за эту неделю на десять лет. Он смотрел на меня с такой болью, что мне хотелось кричать.

И вот закончились последние сутки перед подписанием моего смертного приговора. Я была готова. Или мне так казалось.

Дом наполнился гостями. За окном светило на редкое для Лондона яркое, палящее солнце, словно сама природа издевалась над трагичностью момента. Я спускалась по лестнице с гордо поднятой головой.

«Я, Элизабет Хилл, дочь Марии и Джозефа Хилл. Я выдержу любые испытания, что приготовил мне Господь», — повторяла я себе мысленно, идя к алтарю.

Отец вёл меня за руку по нашему саду прямо к арке, где меня ждал мой уже практически муж.

На нём была белая рубашка с закатанными до локтей рукавами. На моём фоне он выглядел как варвар, случайно забредший на аристократический праздник. Его мощные руки были открыты, и я увидела их. Татуировки. «Санта Муэрте» — имя, ставшее его прозвищем, — было выведено замысловатым шрифтом на его коже, переплетаясь с другими непонятными

для меня символами и узорами. На его плечах была кожаная португепя, которая, казалось, вот-вот лопнет от его мышц.

Мне было страшно. У меня тряслись ноги так сильно, что я боялась упасть.

Но вот я уже стояла перед ним. Священник начал свою речь. Слова клятвы эхом разносились по саду, но я не слышала их. Мой мир сузился до ощущения его близости и вида чернил на его руках — вечного напоминания о том, в чьи лапы я только что себя отдала.

Священник закончил речь, и его слова «А теперь можете поцеловать жену» зазвенели у меня в ушах, словно похоронный колокол. Мир вокруг замер. Гости, сад, яркое солнце — всё исчезло. Остались только я и эта скала, нависшая надо мной.

А потом я почувствовала его губы на своих.

Самаэль не был нежным. Он не пытался быть таковым. Его поцелуй не был прикосновением — это было вторжение, настойчивое и жестокое. Он метил меня. Утверждал своё право.

У меня подкосились ноги. Я бы упала, если бы его железная рука не сжимала мою талию, удерживая на месте. Я почувствовала металлический привкус во рту — резкий, солоноватый. В порыве этой животной страсти он прокусил мне губу до крови.

Боль была острой, но я не издала ни звука. Я лишь покорно ответила на поцелуй, позволяя ему делать то, что он пожелает. Мой бунт умер, не успев родиться, там, у алтаря. Я была его трофеем, и сегодня он забирал свой приз.

Когда он наконец отстранился, его чёрные глаза смотрели на меня с мрачным удовлетворением охотника, настигшего добычу. На моей нижней губе алела капля крови, и я знала — это только начало.

Он не сводил с неё глаз. В его чёрных зрачках плясал животный азарт, словно он смотрел не на свою жену, а на добычу, которую только что настиг. На мгновение мне показалось, что он наклонится и слизнёт эту каплю, подтверждая своё право на меня самым диким способом.

Но он не сделал этого.

Вместо этого Самаэль очень медленно поднял руку. Его большой палец коснулся моей нижней губы, стирая алый след. Жест был почти... нежным. Он сделал это так буднично, так непринуждённо, будто не он секунду назад терзал мой рот, а я просто испачкалась за обедом.

Этот контраст между его недавней дикостью и нынешним ледяным спокойствием был страшнее всего. Он показал мне, кто здесь хозяин. Он может быть зверем, а может — палачом в белых перчатках. И от этой мысли у меня внутри всё заледенело.

На протяжении всего дня, пока мы общались с гостями, он не выпускал мою талию из своих рук ни на секунду. Его ладонь, тяжёлая и горячая, лежала на моём боку, словно клеймо, напоминая всем — и мне в первую очередь — кому я теперь принадлежу. За нами повсюду, словно безмолвные тени, ходили его люди. Их присутствие превращало праздник в фарс, в театральную постановку под дулом пистолета.

И когда наступил вечер и последние гости, осыпав нас рисом на прощание, разошлись, я уже напридумывала себе всего самого страшного. Я была уверена, что вот сейчас, когда мы останемся одни, он предъявит свои права мужа во всех смыслах. Моё тело сковало напряжение в ожидании неизбежного.

Но этого не произошло.

Он отдал своим подчинённым краткую команду на испанском, выраженную решительно и властно. В его голосе не было места для сомнений или возражений.

— Сворачиваемся. Собирайте вещи.

Я не успела опомниться. Его люди действовали как единый, слаженный механизм. Все мои вещи — платья, книги, воспоминания — были безжалостно и быстро погружены в чемоданы и закинуты в багажник чёрного внедорожника. Это было не сборы невесты, а эвакуация. Или арест.

Я успела лишь украдкой попрощаться с отцом. Он стоял на крыльце с выражением вины и боли на лице, и у меня защемило сердце. Он не решился обнять меня, опасаясь показать слабость перед зятем.

А уже через пару мгновений я оказалась в машине на заднем сиденье, рядом со своим мужем. Дверь захлопнулась, отрезая меня от моего прошлого, от моего дома, от моей жизни. Мотор заурчал, и чёрный автомобиль увозил меня в ночь, навстречу неизвестности.

Глава 3

Мы приехали в аэропорт, и меня, словно ценную, но хрупкую посылку, передали из машины частный самолёт. Нас ждал долгий, мучительный перелёт — двенадцать часов в воздухе, запертых в металлической птице.

Всё это время меня терзали мысли. Что будет дальше? Как со мной будут обращаться? Кто я теперь — жена или разменная монета в чьей-то большой и грязной игре? Моё сердце билось с такой силой, что казалось, оно вот-вот выпрыгнет у меня прямо из груди, пробив корсет платья.

Весь перелёт Самаэль даже не смотрел в мою сторону. Он сел отдельно, в другой части салона, и просто смотрел в иллюминатор, погружённый в свои мысли. Я для него была не более чем багажом с биркой «Хрупкое». Я же так устала от терзаний и гула двигателей, что в конце концов провалилась в тревожный, прерывистый сон.

Проснулась я только тогда, когда мы уже подлетали к моему новому дому.

На земле нас ждали машины. Или, скорее сказать, броневики на колёсах. Это были огромные чёрные внедорожники с полной тонировкой, в которых не было видно ни водителя, ни пассажиров. Мы мчались по дорогам, словно по зелёному коридору: на улицах не было ни машин, ни людей. А если и встречались редкие прохожие, то, завидев наш кортеж, они испуганно прятались в переулках и закрывали окна.

И именно в тот момент, глядя на эти испуганные лица за стёклами, я поняла окончательно: меня выдали замуж не за простого человека. Мне лишь предстояло узнать этот новый мир и своего мужа. И эта мысль пугала меня до ужаса.

Мы домчались до дома за считанные часы. И это был не дом. Это была целая крепость. Или даже замок, который я раньше могла видеть лишь на картинках в книгах о средневековых лордах. Машина остановилась, и меня буквально вытащили из прохладного салона под палящее солнце. Оно жгло так яростно, что я думала — вот-вот растаю, превратившись в лужу отчаяния прямо на подъездной дорожке.

Мы прошли сквозь огромный, тенистый сад. Я даже не могла подумать, что в Мексике увижу такой изысканный, почти европейский сад с головокружительным разнообразием цветов и экзотических растений. Воздух был густо напоен сладкими, тяжёлыми ароматами, от которых у меня слегка закружилась голова.

Дальше нас ждал длинный холл с высокими арками. Пока мы шли по прохладным плитам, мне казалось, что этот путь длится вечность. Каждый шаг эхом отдавался от стен, приближая меня к неизвестности.

Дойдя до массивных входных дверей и переступив порог, я застыла на месте.

Нас ждало бесконечное количество прислуги. Они выстроились в две идеально ровные шеренги по обе стороны от входа и все, как один, синхронно и бесшумно склонили головы, как только Самаэль показался на пороге. В этой абсолютной тишине и покорности было что-то зловещее.

Самаэль остановился. Он встал во весь свой огромный рост, расправил плечи, и вся его фигура излучала такую властность, что даже воздух в холле, казалось, сгустился. Он не сказал ни слова. Его присутствия было достаточно.

А затем он сделал шаг в сторону и жестом представил меня.

— Это Элизабет Хилл. Ваша новая хозяйка.

Его голос прозвучал низко и раскатисто, заполняя огромное пространство. Он не сказал «моя жена». Он сказал «хозяйка». И в этом слове было всё: и приказ подчиняться, и утверждение моего нового статуса, и его собственное безраздельное право так меня называть.

Представив меня прислуге, он не дал мне и секунды, чтобы осмотреться. Его хватка на моём запястье была железной. Он просто схватил меня за руку и повёл вглубь дома, а затем — вверх по лестнице, в спальню.

Она была огромной. Настолько, что мои шаги по мраморному полу отдавались гулким эхом. В центре комнаты, словно трон, стояла кровать с резным изголовьем. Над ней тяжёлым пологом свисал балдахин из тёмной ткани, обещая уединение и... что-то ещё, чего я пока не могла понять.

Он не подошёл к кровати. Вместо этого он приземлился в широкое кожаное кресло у окна, словно король на свой престол. Достав сигару, он закурил, и по комнате поплыл терпкий, аромат табака. Затем его рука снова нашла меня. Одним движением он усадил меня к себе на колени.

И вот тогда, впервые с момента нашей росписи, он заговорил. Его голос был низким и спокойным, но в нём звенела сталь.

— Это твой дом. Ты можешь делать в нём что пожелаешь. Вся прислуга говорит по-английски, так что проблем с пониманием у вас не должно возникнуть.

Он сделал паузу, затягиваясь сигарой. Его взгляд был устремлён в окно, но я знала — он видит и анализирует всё.

— Но никогда не смей выходить за территорию дома без меня. Это касается твоей безопасности.

Я напряглась, готовая к худшему, но следующие его слова застали меня врасплох.

— Если ты боишься, что я тебя возьму силой, то можешь не переживать. Я тебя не трону, пока ты сама этого не захочешь. Я не животное и не собираюсь принуждать ребёнка.

Он сказал это так буднично, словно обсуждал погоду. Но затем его тон снова стал жёстким:

— Но прислуга никогда об этом не должна узнать.

Он повернул голову и посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде не было ни капли нежности, только холодный расчёт.

— Так же каждое утро ты будешь заниматься испанским. Жена Санта Муэрте обязана знать испанский в идеале. И это не обсуждается.

Он затушил сигару в пепельнице и добавил уже мягче, но оттого не менее авторитетно:

— Если тебе что-то понадобится — говори об этом напрямую.

Я сидела на его коленях, ошеломлённая этим потоком информации и противоречий. Он только что подарил мне иллюзию свободы и тут же сковал её новыми, ещё более прочными цепями правил.

Но в моей душе, воспитанной на долге и чести, всё ещё теплился огонёк непонимания. Я должна была прояснить это. Набравшись смелости, я задала вопрос, который терзал меня с самого Лондона.

— Но... а как же первая брачная ночь? Как же дети? Разве это не долг мой как жены? Родить мужу наследников?

Я почувствовала, как его тело подо мной напряглось, словно сжатая пружина. В его чёрных глазах не было ни капли тепла, только лёд и что-то похожее на... разочарование? Словно я сказала глупость.

— Ты всё ещё мыслишь как маленькая девочка из сказки, — его голос был тихим, но от него по моей спине пробежал холодок.

— Наследников? Долг? Я не английский лорд, Элизабет. Я не нуждаюсь в твоём теле для продолжения рода. Если мне понадобится наследник, я его получу. Но ты... ты здесь для другого.

Он сделал паузу, и его рука, лежавшая на моём бедре, сжалась чуть сильнее, не причиняя боли, но напоминая о его силе.

— Ты — символ. Жена Санта Муэрте. Ты — моё самое ценное приобретение и моя самая большая слабость. Ты будешь стоять рядом со мной на встречах. Будешь улыбаться моим врагам. Ты будешь учить испанский и быть идеальной. Но ты — моя. И я буду решать, когда и как распоряжаться тем, что принадлежит мне.

Он наклонился так близко, что его губы почти касались моего уха.

— А теперь запомни, жена. Ты здесь не для того, чтобы рожать. Ты здесь, чтобы выжить.

Я всё ещё сидела у него на коленях, но его слова о том, что я здесь лишь для выживания, заставили меня собраться с духом. Я должна была понять правила этой жестокой игры.

— Если тебе не нужны наследники, — мой голос дрожал, но я заставила себя говорить чётко, — для чего тебе жена из холодной Англии? И почему именно я? С твоими деньгами ты мог купить любую. Зачем нужна была жена из угасающей семьи?

Самаэль не шелохнулся. Он молчал так долго, что я уже решила, будто мой вопрос останется без ответа. Но затем он тихо, почти задумчиво, рассмеялся. Это был не весёлый смех, а звук льдинок, бьющихся о стекло.

— Ты думаешь, я выбирал по любви? — его голос был низким, вкрадчивым. — Ты покорная, Элизабет. Я навёл справки. Ты всегда была послушной дочерью, идеальной леди. Ты подчиняешься тому, что тебе говорят. Для женщины в моём мире это — главное достоинство. С тобой не будет проблем.

Он сделал паузу, словно оценивая мою реакцию, а затем продолжил, и в его тоне появились стальные нотки делового человека.

— Но главное не это. Мне нужны связи в Европе. Моему бизнесу нужен статус. А дочь угасающей семьи — это идеальный инструмент. Это статус и власть, которые можно купить. При моих деньгах и влиянии изменить статус «угасающей» семьи на «процветающую» не составляет никакого труда. Ты — мой пропуск в высшее общество Старого Света. Твой титул и имя, подкреплённые моими деньгами, откроют мне двери, которые навсегда закрыты для грязных денег наркокартеля.

Он наклонился ближе, его дыхание коснулось моей шеи.

— Ты не просто жена. Ты — моя инвестиция. И поверь, я жду от своих инвестиций максимальной отдачи.

Наркокартель.

Его слова упали в тишину комнаты, как камни в бездонный колодец. Они оказались для меня удушающей петлей, которая только сейчас плотно затянулась на шее. Только в этот момент я по-настоящему поняла, в какой ситуации оказалась. Я не просто жена влиятельного человека. Я — жена главы наркокартеля. Человека, для которого жизнь и смерть — это лишь пункты в бухгалтерской книге.

И вместе с ужасом пришло ледяное, отрезвляющее спокойствие. Я поняла, что если я не буду покорной, если я не буду играть по его правилам, меня просто выкинут. Найдут новую куклу с более покладистым характером и более чистой репутацией. Я была не личностью, а активом. И моя ценность зависела только от моей полезности.

Эта мысль придала мне сил. Я больше не могла сидеть у него на коленях, как послушная игрушка. Я должна была встать на ноги, буквально и фигурально.

Я соскользнула с его колен, но не грациозно. Мои ноги подкосились, и я неловко упала, оказавшись на полу прямо у его ног. Я стояла перед ним на коленях, униженная физически, но с гордо поднятой головой.

Я посмотрела на него снизу вверх. В моих глазах больше не было слёз. В них был лишь холодный блеск осознания.

— Я поняла, — мой голос был тихим, но твёрдым. — Я — твоя инвестиция. И я обещаю тебе, что принесу пользу.

Глава 4

Месяц пролетел в тумане из спряжений глаголов и шелеста страниц. Каждое утро ко мне приходил учитель испанского, и от его быстрой речи у меня кружилась голова. Но я делала успехи. Я начала понимать, о чём шепчется прислуга на кухне, думая, что их никто не слышит. Я больше не была глухой в этом доме.

За этот месяц Самаэль ни разу не взглянул в мою сторону. Он уходил до рассвета и возвращался глубокой ночью. Мы существовали в одном пространстве, как два корабля, идущих разными курсами в ночном океане. И почему-то мне было обидно. Глупо, иррационально обидно. Я должна была радоваться, что он меня не трогает, что я для него — лишь предмет мебели. Но вместо облегчения я чувствовала укол разочарования каждый раз, когда он проходил мимо, даже не удостоив меня взглядом.

А потом наступали вечера. Я слышала, как он возвращается. Как шумит вода в душе. И каждый раз, когда он выходил оттуда в одном лишь полотенце, небрежно повязанном на бёдрах, с его голого торса стекали капли воды, а по широкой, мускулистой спине вился замысловатый узор татуировок... В такие моменты моё сердце сжималось в тугую, болезненный комок, а к бёдрам приливалась жаркая волна крови.

Я не понимала, что со мной происходит. Это был страх? Или что-то гораздо более опасное и постыдное? Я украдкой разглядывала его спину. На левой лопатке был вытатуирован ангел с оборванными, почерневшими крыльями. Я никогда не спрашивала, что это значит. Я лишь смотрела на эту сломанную святость на теле человека по прозвищу Санта Муэрте и чувствовала странное, тянущее чувство в груди.

А потом заточение закончилось.

Однажды вечером он вошёл в гостиную, где я читала при свете лампы. Он был одет в безупречный тёмный костюм, снова выглядя как варвар на светском рауте.

— Хватит прятаться, — его голос был ровным. — Пора показать тебя миру. Представить тебя в официальном статусе. Это больше не может быть секретом.

Он смотрел на меня так, будто оценивал товар перед тем, как выставить его на витрину. И я поняла: мой карантин окончен. Начинается игра по-крупному.

Его слова в тишине прозвучали как выстрел. Я вздрогнула, поднимая на него глаза.

— Мы идём на приём. К моим партнёрам, — его тон не терпел возражений. Он не спрашивал, он ставил перед фактом. — И ты должна выглядеть безупречно.

Он подошёл ближе, и я инстинктивно вжалась в спинку кресла. Его присутствие всегда подавляло, но сейчас, когда он был так близко и так официально одет, это ощущалось особенно остро.

— Ты понимаешь, что это значит? — его голос стал тише, в нём зазвенел металл. — Ты — моё отражение. Твоя осанка, улыбка, слова... Всё это — показатель моей силы. Если ты опозоришь меня, если покажешь слабость или невежество... ты запятнаешь не просто мой статус. Ты поставишь под сомнение мою власть.

Он наклонился, упираясь руками в подлокотники моего кресла, заключая меня в клетку, как тогда, в первый день.

— А я этого очень не люблю. Запомни это, жена.

Он отстранился так же резко, как и подошёл.

— У тебя есть час. Служанка поможет тебе собраться. Я жду.

С этими словами он развернулся и вышел, оставив меня одну в звенящей тишине.

В комнату тут же проскользнула молодая девушка, одна из служанок. В её глазах я увидела смесь сочувствия и страха.

— Сеньора, — прошептала она на ломаном английском. — Сеньор Самаэль приказал подготовить вас. Это... очень важный вечер.

Я встала, чувствуя, как ноги становятся ватными. Час. У меня есть всего час, чтобы подготовиться к встрече с людьми, которые, возможно, страшнее самого Самаэля. Я должна была стать его идеальным щитом и его самым красивым оружием.

Я направилась в гардеробную, где висели десятки платьев, купленных им для меня. Мой взгляд упал на одно из них. Оно было не из тяжёлого бархата, а из тёмно-синего шёлка — лёгкого, струящегося, почти невесомого. Ткань была расшита тонким серебряным узором, который напоминал морозные узоры на стекле, но при этом ловил и отражал свет. Глубокое декольте и открытые плечи были уравновешены строгим кроем и длиной в пол. Это было платье для королевы — элегантное, холодное и непрístupное.

В этот момент дверь за моей спиной бесшумно открылась.

Самаэль вошёл в комнату и остановился, прислонившись плечом к дверному косяку. Он не сказал ни слова. Он просто стоял и смотрел, как служанка, дрожащими руками, помогает мне расстегнуть домашнее платье.

Я чувствовала его взгляд на своей обнажённой спине. Он не смотрел на меня как муж смотрит на жену. Он оценивал. Критически и безжалостно. Так ювелир смотрит на только что огранённый бриллиант, выискивая малейший изъян.

Служанка, чувствуя его присутствие, стала двигаться ещё быстрее и тише. Она помогла мне надеть тонкое кружевное бельё, а затем скользнуть в прохладный шёлк платья. Я стояла неподвижно, пока она застёгивала десятки крошечных пуговиц на спине, и ощущала себя манекеном в витрине дорогого магазина.

Когда последняя пуговица была застёгнута, Самаэль оттолкнулся от косяка и медленно обошёл меня по кругу, словно хищник вокруг добычи. Его взгляд скользил по ткани, по линии плеч, по открытой спине.

— Повернись, — его голос был низким и хриплым.

Я повиновалась, встретившись с ним взглядом. В его глазах не было ни капли похоти или нежности. Только холодный расчёт.

— Неплохо, — заключил он наконец. Это была высшая похвала в его устах.

Он подошёл ближе и застегнул на моей шее тяжёлое кольцо из сапфиров и бриллиантов. Прикосновение его пальцев к коже было мимолётным, но я вздрогнула.

— Теперь ты готова. Ты выглядишь... достойно.

Слово «достойно» прозвучало как приговор. Я была достойна стоять рядом с ним. Достойна быть его украшением. Но достойна ли я была быть чем-то большим? В его глазах — определённо нет.

Это больше не была Элизабет Хилл. Это была жена Санта Муэрте. И сегодня ей предстояло выйти на свою первую охоту.

Мы ехали в прохладном салоне машины под садящимся солнцем Мексики, которое окрашивало небо в багровые и золотые тона. В машине Самаэль не сказал ни слова. Он сидел, погружённый в свои мысли, и его молчание было тяжелее любых слов. Я смотрела на его профиль, освещённый вечерним светом, и понимала, что сейчас он не со мной. Он уже там, на приёме, просчитывает ходы и оценивает врагов.

По прибытии в назначенное место он первым вышел из машины. Я смотрела, как он обходит капот — уверенный, властный, смертоносный. Он открыл мою дверь и подал руку, чтобы я вышла.

«Отличная игра на публику», — подумала я про себя, вкладывая свою ладонь в его. Для всех вокруг мы были идеальной парой: могущественный муж и его элегантная жена.

Но как только я выпрямилась, его маска вежливости тут же слетела. Его тяжёлая рука властно легла на мою талию, безошибочно заявляя каждому встречному: «Она моя».

Место приёма оказалось не таким роскошным, как дом, в котором мы жили. Оно было раза в два меньше и выглядело менее изысканно. Это был не дворец, а скорее хорошо охраняемая крепость. Нас встретила прислуга и проводила в главный зал.

Как только мы переступили порог, на нас устремились десятки глаз. Шёпот, который наполнял комнату, мгновенно стих. Все гости — мужчины в дорогих костюмах и их разодетые спутницы — по всей видимости, ждали только Санта Муэрте.

Я шла с высоко поднятой головой и идеальной осанкой, которым меня учили с детства. Я не могла подвести Самаэля. Это был уже не вопрос гордости или долга. Это был вопрос выживания. Каждый мой шаг по этому залу был шагом по тонкому льду.

Мы прошли сквозь расступившуюся толпу к хозяевам раута. Мужчина, стоявший во главе небольшой группы, натянуто улыбался, но в его глазах плескался страх. Он был похож на крысу, загнанную в угол.

Самаэль отпустил руку с моей талии лишь на мгновение — ровно настолько, чтобы позволить хозяину мероприятия пожать его руку. Этот короткий жест был наполнен смыслом: он показывал, что я — его часть, его продолжение, но при этом он отпускает меня ровно настолько, чтобы соблюсти протокол.

Я же в ответ на приветствие сделала небольшой, безупречный реверанс. Но я не поклонилась. Мой поклон был бы признанием того, что статус хозяина выше. Я же лишь слегка склонила голову, ровно настолько, чтобы выказать уважение, но при этом всем стало очевидно: статус моего мужа был неизмеримо выше.

Хозяин дома, казалось, даже выдохнул с облегчением, когда Самаэль снова притянул меня к себе, возвращая руку на мою талию. Напряжение спало. Первый барьер был пройден. Мы были признаны.

— Сеньор Карлос, — голос Самаэля был ровным и холодным, как лёд. — Рад видеть вас в добром здравии.

Это была не просто вежливость. Это было предупреждение. Фраза «в добром здравии» в его устах звучала как завуалированная угроза.

Карлос побледнел так сильно, что, казалось, вот-вот упадёт в обморок. Его натянутая улыбка превратилась в гримасу. Он пробормотал какие-то приветственные слова, но его взгляд был прикован к полу, избегая глаз Самаэля.

Не успела я даже обдумать эту молниеносную демонстрацию власти, как муж склонился к моему уху. Его дыхание было горячим, а голос — едва слышным шёпотом, предназначенным только для меня.

— Иди, пообщайся с жёнами. Покажи им, что ты не просто красивая кукла.

Я лишь кивнула в ответ, чувствуя, как его рука последний раз сжала мою талию в безмолвном приказе, прежде чем отпустить. Я выпрямила спину, нацепила на лицо маску вежливого интереса и направилась к столу, где собрались спутницы местных «бизнесменов».

Это была стая. Красивая, разодетая в дизайнерские платья и увешанная бриллиантами, но всё равно — стая. Они оценивающе разглядывали меня, как новую самку на своей территории. Я подошла к ним, и их разговоры на испанском, который я уже начала понимать, тут же стихли.

— Buenas noches, — произнесла я, мой испанский был ещё неуклюжим, но достаточно понятным. — Добрый вечер.

Одна из женщин, с ярко-рыжими волосами и хищной улыбкой, первой нарушила тишину.

— Так вот ты какая, — протянула она на идеальном английском, окидывая меня взглядом с головы до ног. — Английская роза Санта Муэрте.

В её тоне было всё: и насмешка, и зависть, и скрытая угроза.

— Ты же знаешь, маленькая английская шлюшка, что Санта Муэрте должен был быть моим мужем.

Её слова, произнесённые с ядовитой улыбкой, были подобны пощёчине. Вокруг нас по-прежнему играла музыка и велись светские беседы, но для меня весь мир сузился до её ярко накрашенного лица и торжествующего взгляда. Она не просто завидовала. Она считала, что у неё украли её судьбу.

Я не отшатнулась. Я не позволила себе даже моргнуть. Вместо этого я медленно, очень медленно, подняла руку и поправила колье на шее — то самое, что застегнул на мне Самаэль. Мой жест был простым, но он говорил громче любых слов: «Он мой. Всё, что на мне надето, — его подарок. Он выбрал меня».

Затем я посмотрела ей прямо в глаза. Мой взгляд был холоднее льда.

— Должен был быть, — спокойно согласилась я, чётко выговаривая каждое слово. — Но он им не стал. А прошлое, сеньора, это то, что мы оставляем позади. Я бы посоветовала вам заняться тем же.

Я подарила ей лёгкую, почти снисходительную улыбку, а затем, не дожидаясь ответа, развернулась и отошла, оставив её стоять одну посреди зала. Я чувствовала на себе её ненавидящий взгляд, прожигающий дыру в спине, но не обернулась.

Я только что нажила себе смертельного врага. Но в тот момент я поняла кое-что ещё: я больше не была испуганной девочкой. Я была женой Санта Муэрте. И я была готова играть по его правилам.

Моё сердце колотилось где-то в горле, но не от страха, а от пьянящего чувства победы. Я не позволила ей увидеть мою слабость. Я показала ей свою силу.

Я подошла обратно к Самаэлю. Он стоял, окружённый мужчинами в дорогих костюмах, и что-то тихо обсуждал. Он даже не повернул головы, когда я встала рядом, но я знала — он чувствует моё присутствие.

Не говоря ни слова, я повернулась к нему. В его глазах мелькнуло удивление, но было уже поздно. Я вцепилась в лацканы его пиджака, притянула его к себе и поцеловала. Поцеловала с такой жадностью и страстью, что сама от себя не ожидала. Это был поцелуй-удар. Поцелуй-ответ всем её ядовитым словам.

Я отстранилась так же резко, как и приблизилась. Облизнула губы, словно пробуя его вкус, и, не сказав ни слова, развернулась и ушла обратно к другим жёнам.

Я шла через зал, чувствуя на себе его тяжёлый, прожигающий взгляд. Он не смотрел на меня как на покорную куклу. Он смотрел на меня как на равную. Как на достойного противника, который только что сделал свой первый ход.

Весь остаток вечера я провела, общаясь с разными дамами. Я держалась гордо и холодно, как и было положено жене Санта Муэрте. Когда я беседовала с сеньорой Габриэлой, я почувствовала на своей талии знакомую тяжесть его руки. Это был Самаэль.

Он вежливо, но твёрдо извинился перед дамами, заявив, что нам пора идти. Я попрощалась, и мы удалились с мероприятия так же стремительно, как и появились.

Как только захлопнулась дверь машины и в салоне повисла гнетущая тишина, я не выдержала. Страх, который я подавляла весь вечер, накатила волной.

— Я... я должна извиниться за свой поступок, — выпалила я, не глядя на него. Мой голос дрожал. — Я не должна была... так себя вести.

Я сделала глубокий вдох, собираясь с силами, чтобы объяснить свой срыв.

— Эта рыжая... она сказала мне кое-что. От её слов во мне закипел такой огонь... Я просто потеряла контроль. Я не хотела тебя опозорить. Клянусь.

Я замолчала, ожидая вспышки гнева. Ждала ледяного презрения. Но он молчал. В машине повисла оглушительная тишина.

Наконец, он медленно повернул голову и посмотрел на меня. В его чёрных глазах не было гнева. Там плясали опасные, хищные искры.

— Ты думаешь, я злюсь? — его голос был обманчиво мягким, похожим на бархат, скрывающий стальное лезвие.

Он протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были обжигающе горячими.

— Ты только что сделала то, на что у меня самого чесались руки. Ты поставила эту змею на место.

Его большой палец провёл по моей нижней губе — там, где ещё недавно были его губы.

— Ты была великолепна. Идеальная жена для Санта Муэрте.

— Ты всё правильно сделала, — его голос в тишине салона был низким и глубоким, вибрировал где-то у меня в груди. — Ты показала злым языкам, что ты не просто кукла. Ты моя жена по праву, и они должны с тобой считаться.

Я подняла на него взгляд, ошеломлённая не столько его словами, сколько тоном, которым они были сказаны. В нём звучало не просто одобрение, а гордость. Он не смотрел на меня как на свою собственность. Он смотрел на меня как на равную. Как на ту, кто достоин стоять с ним плечом к плечу.

Его пальцы всё ещё касались моей щеки, и от этого прикосновения по коже бежали мурашки. Я боялась пошевелиться, боялась разрушить этот момент.

— Ты не злишься? — прошептала я, всё ещё не веря в происходящее.

Он усмехнулся, и в этой усмешке не было ни капли тепла. Это была усмешка хищника, который только что увидел, что его детёныш способен сам загнать добычу.

— Злюсь? Нет. Я впечатлён. Ты только что сделала за меня половину работы.

Он наклонился ближе, его дыхание коснулось моих губ.

— Но никогда больше не извиняйся передо мной за то, что защищаешь то, что принадлежит тебе.

В его словах был двойной смысл. Он говорил о моём статусе, но взгляд его был прикован к моим губам. И я вдруг поняла, что «то, что принадлежит тебе» — это не только мой титул.

Машина плавно затормозила. Мы были дома. Но я знала, что этот разговор ещё не окончен.

Глава 5

Мы вернулись домой. В гробовой тишине, наполненной лишь гулом мотора и нашим тяжёлым дыханием, мы отправились в нашу спальню. Я, не оборачиваясь, сразу направилась в смежную ванную комнату. Мне нужно было смыть с себя этот вечер, этот взгляд ядовитой змеи и... его взгляд.

Я включила воду и начала смывать макияж. Чёрные потёки туши смешивались с водой и капали в раковину, рисуя на белом фаянсе грязные дорожки. Я смотрела на своё отражение — на бледное лицо с огромными, испуганными глазами.

И вдруг я увидела в зеркале его.

В отражении за моей спиной стоял Самаэль. Он не вошёл шумно, он просто появился, словно тень. Я почувствовала его присутствие раньше, чем услышала. А затем ощутила его руки — горячие, даже через шёлк платья — на своей талии.

Он не сказал ни слова. Он просто стоял, прижимая меня к себе, и смотрел на моё отражение в зеркале. Его взгляд был таким же тёмным и непроницаемым, как и всегда, но сейчас в нём читалось что-то новое. Что-то похожее на... голод.

Его пальцы нашли застёжки на спине. Одно движение — и платье с тихим шелестом упало к моим ногам, оставив меня стоять перед ним в одном лишь нижнем белье.

Я не обернулась. Я не могла. Я лишь смотрела в зеркало, как его руки скользят по моим плечам, обжигая кожу, как он наклоняется и оставляет горячую дорожку из поцелуев на моей шее.

— Ты была великолепна сегодня, — прошептал он мне на ухо. Его голос был хриплым. — Моя жена.

Я поёжилась от его прикосновений. Мне было стыдно и неловко за свой растёкшийся макияж, за свою уязвимость. Я должна была оттолкнуть его, должна была сказать, что не готова... но жар предательски опускался к моим бёдрам, скручиваясь внизу живота в тугой, ноющий узел.

Он почувствовал мою дрожь. Или, может, ему просто надоела эта игра. С тихим, утробным рыком, который я скорее почувствовала, чем услышала, он подхватил меня на руки. Он не обращал никакого внимания на растёкшуюся по моему лицу тушь и помаду. В этот момент ему было плевать на внешний лоск, на статус и на то, что подумают другие. Перед ним была просто женщина.

Он отнёс меня в кровать — не донёс, а именно отнёс, словно я ничего не весила. Опустил на шёлковые простыни, и его огромное тело накрыло меня, отрезая от всего мира. Его губы нашли мои в жадном, почти грубом поцелуе. На этот раз в нём не было того клеймения, как на свадьбе. В нём была потребность.

Я чувствовала его везде: тяжесть его тела, жар его кожи под тонкой тканью рубашки, его руки, которые больше не были нежными, а срывали с меня остатки одежды. Страх всё ещё тлел где-то на задворках сознания, но он был поглощён огнём, который разгорался между нами.

Мои руки, словно живя собственной жизнью, скользнули по его стальному торсу. Пальцы, ещё недавно сжатые в кулаки от волнения, теперь с неожиданной смелостью нащупали пуговицы его рубашки. Я расстегнула её и с трудом стянула ткань с его массивного, горячего тела.

Когда он прижался ко мне, я почувствовала себя совсем крошечной. Его вес был восхитительно удушающим, его сила — пьянящей. Мир сузился до его запаха, до жара его дыхания на моей шее.

И в этот момент, когда его губы скользили по моей ключице, а руки исследовали моё тело, все страхи, вся неловкость и стыд, что копились во мне с момента нашей встречи, вырвались наружу.

Я обхватила его лицо ладонями и заставила его посмотреть на меня. В его глазах бушевало чёрное пламя.

— Мне страшно, — прошептала я ему на ухо, и мой голос сорвался.

Он замер. Всего на мгновение. Его огромное тело напряглось, словно хищник перед прыжком. А затем всё изменилось. Исчезла та животная, требовательная страсть. Его движения стали медленными, почти благоговейными. Он отстранился ровно настолько, чтобы видеть мои глаза.

— Смотри на меня, — приказал он хриплым шёпотом. — Только на меня.

Его слова отдались эхом в моей голове, и я повиновалась, не в силах отвести взгляд от его чёрных, бездонных глаз. Он целовал меня аккуратно и нежно, не теряя зрительного контакта, словно боялся потерять эту хрупкую связь между нами. А потом он расстегнул свои брюки.

Я инстинктивно съёжилась, понимая, что сейчас произойдёт. Моё тело напряглось, готовясь к вторжению.

— Расслабься, — его голос был хриплым, но в нём не было прежней жёсткости. — И смотри на меня.

А затем он оказался во мне.

Острая вспышка боли пронзила меня, и я тихо вскрикнула, сжимая руки на его спине и впиваясь ногтями в его широкие плечи. На его коже останутся следы, но ему, казалось, было всё равно. Он замер, давая мне время привыкнуть к новым, ошеломляющим ощущениям. Он не двигался, лишь тяжело дышал, уткнувшись лбом в моё плечо.

Когда боль начала отступать, сменяясь странным, тянущим теплом, я расслабилась под ним. Он почувствовал перемену и поднял голову. В его взгляде читалось неприкрытое облегчение.

А потом он начал двигаться.

Плавно и размеренно, он вёл нас обоих к пику. Его ритм был гипнотическим, каждое движение посылало волны жара по моему телу. Боль окончательно растворилась, уступив место нарастающему, сладкому напряжению внизу живота. Я подалась ему навстречу, инстинктивно желая большего.

Мир взорвался миллиардом звёзд. Моё тело выгнулось дугой, и я сжалась вокруг него, уткнувшись лицом в его шею, чтобы заглушить крик. Он сделал ещё несколько мощных толчков и замер, с хриплым стоном изливаясь внутри меня.

Мы лежали так ещё долго, сплетённые воедино, слушая бешеный стук наших сердец. Он всё ещё был во мне, его вес был тяжёлым, но уютным. Я больше не была испуганной невестой или покорной куклой.

Я была его.

Тишина в комнате была густой и вязкой, наполненной лишь звуком наших сердец. Затем, одним мощным и плавным движением, он перевернулся на спину, увлекая меня за собой. Я оказалась сверху, прижатая к его широкой груди.

Его рука легла на мой затылок, пальцы зарылись в волосы, не позволяя мне поднять голову. Я слышала его сердцебиение — ровное, сильное. Запах его кожи, смешанный с ароматом нашего единения, окутывал меня.

— В следующий раз не сдерживай крики, — его голос был низким, хриплым от усталости и удовлетворения.

Это был не вопрос и не просьба. Это был приказ. Но впервые за всё время этот приказ не вызвал во мне страха. Он вызвал трепет предвкушения.

Я лишь молча кивнула, прижимаясь к нему ещё теснее. Я чувствовала себя выжатой, опустошённой и... невероятно живой. Я лежала на груди человека, которого боялась и желала одновременно, и понимала, что наша сделка только что переросла во что-то гораздо более сложное и опасное.

Я уснула под мерный стук его сердца, чувствуя себя в большей безопасности, чем за все последние месяцы.

Глава 6

Я проспала на его груди всю ночь. Было тепло и уютно, как в коконе. Его огромное тело излучало жар, а мерный, глубокий стук его сердца под моим ухом убаюкивал лучше любой колыбельной. Это был первый раз за месяц, когда я спала так крепко и сладко, без кошмаров и страха.

Я проснулась первой. Сквозь неплотно задёрнутые шторы пробивались первые, ещё робкие лучи солнца. В комнате стоял полумрак. Я лежала абсолютно неподвижно, боясь спугнуть этот хрупкий момент. Но странное дело — мне абсолютно не хотелось покидать его объятия.

Я чуть приподняла голову и посмотрела на него. Во сне он выглядел иначе. Суровые складки у губ разгладились, а вечно нахмуренные брови расслабились. Чёрные ресницы бросали длинные тени на скулы. Он казался моложе. И... беззащитнее. Я впервые увидела в нём не Санта Муэрте, не безжалостного главу картеля, а просто мужчину.

Моё сердце пропустило удар от этой мысли. Я осторожно, едва касаясь, провела кончиками пальцев по его груди, обводя замысловатые узоры татуировок, которые спускались от плеча. Я остановилась на одном из них — это был череп в сомбреро, переплетённый с розами.

«Что же с тобой случилось?» — подумала я. Каждый узор на его коже был историей, главой из книги его жизни, в которую меня не посвящали. В этот момент я поняла, что хочу знать о нём всё. Не как о враге или хозяине, а как о человеке.

Он был моим тюремщиком. Но этой ночью он стал кем-то большим.

Пока я, затаив дыхание, водила кончиком пальца по его груди, разглядывая тёмные узоры татуировок, Самаэль проснулся. Это произошло не постепенно, а резко, как будто кто-то щёлкнул выключателем. Только что он спал — и вот уже его чёрные глаза открыты и смотрят прямо на меня.

Я замерла, чувствуя, как краска приливает к щекам. Меня поймали. Поймали за тем, что я изучала его, как карту неизвестной страны. В панике я попыталась отдернуть руку, но он оказался быстрее. Его ладонь молниеносно сжала моё запястье, останавливая движение.

Мы лежали так несколько секунд, глядя друг на друга. Он не выглядел сонным или расслабленным. Он был собран и насторожен, словно хищник, оценивающий ситуацию. Его взгляд скользнул по моему лицу, потом опустился на свою грудь, где моя рука всё ещё касалась его кожи.

— Доброе утро, — его голос был низким, хриплым со сна.

Это были первые слова, которые он сказал мне в новом дне. Не приказ. Не констатация факта. А... приветствие.

Я сглотнула, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце.

— Доброе утро.

Он всё ещё не отпускал моё запястье, но и не сжимал его больно. Просто держал. В этом жесте было больше власти и контроля, чем в любых наручниках.

— Тебе нравится то, что ты видишь? — в его тоне не было насмешки, только любопытство.

Я покраснела до самых ушей. Мне стало невыносимо неловко, словно меня застали за чем-то постыдным. Я не решилась с ответом. Не могла же я сказать ему, что да, мне нравится изучать карту шрамов и татуировок на его теле.

Не говоря ни слова, я неловко сползла с его груди и, как испуганная черепаха, тут же спряталась под одеяло, натянув его до самого носа. В полумраке я видела лишь его силуэт.

Повисла тишина. Долгая, оглушающая тишина. Я лежала, боясь даже дышать, и ждала. Ждала его гнева, насмешки или, что ещё хуже, холодного безразличия. Любая его реакция была бы лучше этого молчания.

А затем... он рассмеялся.

Это был не громкий, раскатистый хохот, а тихий, глубокий звук, от которого вибрировало всё одеяло. Он откинул его край и нырнул ко мне в мой «кокон», прижимая меня к своему горячему телу.

— Ты как ребёнок, — прошептал он мне в макушку, и в его голосе слышалась непривычная теплота. Его рука крепко обхватила меня, не давая вырваться. — Прячешься? От меня?

Он поцеловал меня в висок — нежно, почти невесомо.

— Не нужно меня бояться. По крайней мере, не сегодня.

Я повернулась к нему лицом, убирая упавшие на глаза белые локоны. В его объятиях, под защитой одеяла, я почувствовала себя на удивление храброй.

— И что, — мой голос был тихим, но в нём звучали игривые нотки, — я теперь могу прикасаться к самому Санта Муэрте? И меня не ждёт кара?

Я выгнула бровь, ожидая его реакции. Это был вызов. Дерзкий, но завуалированный под невинный вопрос.

Он усмехнулся, и в его чёрных глазах заплясали опасные искры. Он перехватил мою руку, которая всё ещё лежала на его груди, и медленно поднёс её к своим губам. Его поцелуй был долгим и демонстративным.

— Зависит от того, как именно ты прикасаешься, — его голос стал глубже, в нём снова зазвучали те самые властные нотки, от которых у меня по спине бежали мурашки. — И... с какими намерениями.

Он перевернул нас одним плавным движением, и теперь уже я оказалась прижата к матрасу, а он нависал сверху, опираясь на руки, чтобы не раздавить меня.

— Если твои прикосновения будут... правильными, — он наклонился и провёл носом по моей шее, — то тебя ждёт не кара, а награда.

Его губы коснулись чувствительного места за ухом.

— А если нет... что ж. Я всегда могу найти способ тебя наказать.

В его тоне не было угрозы. В нём было обещание.

Он нависал надо мной, и я чувствовала его силу и напор, которые теперь, в утреннем свете, казались почти осязаемыми. Я была зажата, но не боялась. Я просто... устала.

— Я сейчас не хочу, — пробубнила я себе под нос, пряча лицо у него на груди.

— У меня всё болит после ночи.

Я ожидала чего угодно: насмешки, приказа, нетерпеливого требования. Но не того, что произошло.

Он замер. Его огромное тело, только что бывшее воплощением напора, застыло. А затем он медленно перекатился на бок, освобождая меня. Он поднёс тыльную сторону моей ладони к своим губам и нежно поцеловал.

— Lo siento, — прошептал он на испанском. Прости.

Это было так... неожиданно. В его мире, где сила решала всё, извинения, похоже, были редкостью. Он отстранился и сел на край кровати, спиной ко мне. Его широкие плечи были напряжены.

— Я был... груб, — продолжил он, глядя в стену.

Он провёл рукой по лицу, словно стирая усталость или воспоминания.

— В следующий раз я буду... нежнее.

В его голосе не было привычной стали. В нём звучало что-то новое. Раскаяние.

Я села в кровати вслед за ним и, подавшись вперёд, прижалась к его широкой спине своей грудью. Обвив руками его мощный торс, я оставила мягкий поцелуй на его твёрдом, как камень, плече.

— Ты не был груб, — прошептала я ему в спину. — Это было... прекрасно. Просто это был мой первый раз, и от этого мне немного не по себе.

Я почувствовала, как его мышцы, до этого каменно напряжённые, начали расслабляться под моими прикосновениями. Он накрыл мои руки своими, переплетая пальцы.

Он ничего не сказал. Но в этом молчании было больше, чем в тысяче слов. Он слушал. Он слышал меня.

Мы сидели так ещё несколько минут, купаясь в утренней тишине. В этом молчании не было неловкости. Оно было... уютным. Словно мы были не врагами, скованными сделкой, а двумя людьми, которые только что разделили что-то невероятно важное.

И впервые за всё время я подумала, что, возможно, у этого брака есть шанс. Не на любовь, нет. Но на что-то другое. На что-то более глубокое.

На доверие.

Глава 7

После неловкого, но невероятно важного утра мы спустились к завтраку. В огромной столовой, залитой утренним солнцем, нас уже ждал накрытый стол. Нам подали яичницу с яркими желтками и тосты с авокадо, сбрызнутым лимонным соком.

Я не смогла сдержать тихого смешка, глядя на свою тарелку.

Самаэль, который в этот момент отпивал кофе, удивлённо вскинул бровь.

— Что тебя так развеселило?

— Ничего, — я улыbnулась, подцепляя вилкой кусочек авокадо. — Просто... завтрак в Мексике не так уж сильно отличается от завтрака в Англии. Я ожидала увидеть что-то более... экзотическое. Острые соусы, буррито или что-то в этом духе.

Он усмехнулся в ответ, и его взгляд на мгновение потеплел. Атмосфера за столом стала почти... уютной.

Но я не могла позволить этому спокойствию усыпить мою бдительность. Воспоминание о вчерашнем вечере и ядовитой улыбке той женщины было слишком свежо. Я отложила вилку и посмотрела ему прямо в глаза.

— Самаэль... — начала я, тщательно подбирая слова. — Кто была та женщина? Рыжая. Которая назвала меня «английской шлюхой»?

Его лицо мгновенно превратилось в каменную маску. Улыбка исчезла, а взгляд стал холодным и жёстким.

— Это не твоё дело, Элизабет.

Я не отступила. Я должна была знать.

— Она сказала, что должна была стать твоей женой. Почему?

Он долго молчал, сверля меня тяжёлым взглядом. Я уже думала, что он не ответит. Но затем он вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Потому что её отец был моим партнёром. Очень влиятельным партнёром. Мы вели совместные дела. Когда он умер, она решила, что унаследует не только его долю в бизнесе, но и место в моей постели.

Он сделал паузу, и его губы искривились в презрительной усмешке.

— Она ошиблась.

— И почему ты не женился на ней? — мой голос был тихим, но настойчивым. — Разве это не укрепило бы твою власть? Связи, наследство... это же логично.

Самаэль долго смотрел на меня, словно взвешивая, достоин ли я услышать ответ. Затем он поставил чашку с кофе на стол с такой точностью, что она не издала ни звука.

— Власть, — медленно произнёс он, — не строится на постельных союзах. Она строится на уважении. А уважение не купишь, женившись на той, кто считает, что ей всё положено по праву рождения.

Он подался вперёд, упираясь локтями в стол, и его взгляд стал острым, как лезвие.— Она была слабой. Её отец был силен, да. Он был зверем. А она... она просто его тень. Она думала, что может управлять мной через брак. Что я буду плясать под её дудку, как плясал под дудку её отца.

Он презрительно усмехнулся.

— Я не беру в жёны тех, кто видит во мне лишь инструмент для достижения своих целей. Это делает их опасными. А я не терплю опасности за своей спиной.

Он замолчал, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на... удовлетворение.

— В отличие от неё, ты хотя бы честна. Ты знаешь, что ты здесь товар. И ты борешься. Ты не строишь интриг. Ты смотришь врагу в глаза и спрашиваешь в лицо.

Он встал из-за стола и подошёл ко мне. Его рука легла на мой затылок.

— Ты — не слабость. Ты — сила, которую я контролирую. А она была бы моей погубелью.

— Поэтому ты выбрал «покорную слабую англичанку», — я выделила эти слова с нескрываемой иронией, — которую можно просто запереть дома, иногда выгуливая, как собачку на поводке?

Я не отвела взгляда, выдерживая его тяжёлый, пронизывающий взор. В этот момент я не была слабой. Я была той, кто бросил ему вызов за его же столом.

Его губы медленно изогнулись в хищной, опасной усмешке. Он не разозлился. Напротив, мой выпад, похоже, его... позабавил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.